

Пока они разговаривали, в дверь снова громко постучали. Голос Пань Шихоу звучал крайне встревоженно:

— Божественный целитель Цзян, Божественный целитель Цзян!

Следом донесся голос Лань Янь:

— Божественный целитель уже сказал, что Молодой господин Пань подождет еще немного. К чему так спешить, глава Пань Шихоу?

Ли Суй произнес:

— Иди.

Цзян Шэнлинь похлопал его по плечу, развернулся и открыл дверь.

Пань Шихоу облегченно вздохнул и поспешно повел божественного целителя в соседнюю комнату, так ни разу и не взглянув на сидевшего в комнате Ли Суя.

Два шичэня назад в холодном лесу за городом они искали друг в друге опору, но тепло от слов «хорошо, что ты рядом» испарилось в одно мгновение. Ли Суй, держа в руке чашку с чаем, лениво откинулся на спинку стула, опустив взгляд.

Лань Янь с грохотом захлопнула дверь.

Ли Суй спросил:

— Кто опять тебя разозлил?

— Да кто же еще! — Лань Янь придвинула стул и плюхнулась на него. — Этот Зал Тяньчжу совсем переходит все границы. Владыка, зачем ты вообще так заботишься о них? По-моему, у этого старика в голове только собственный сын, на остальных ему плевать. Я только что ходила за лекарем и сказала, что его сын искусал владыку до крови, а он даже бровью не повел!

— Его собственный сын на волосок от смерти, вполне естественно, что он беспокоится, — Ли Суй размял плечи. — Со мной все в порядке, принеси горячей воды.

Лань Янь послушно отозвалась и убежала готовить все необходимое для купания.

Чжу Яньинь наблюдал, как лекарь перевязывает ему запястье. Хотя на душе все еще было тревожно, при мысли об искусстве Цзян Шэнлиня он успокоился — беспокоиться действительно не о чем, все наверняка обойдется.

Ли Суй спросил:

— О чем задумался?

— Да так, ни о чем, — опомнился Чжу Яньинь. — Я велю принести тебе еды, поешь и пораньше ляжешь отдыхать.

Повара из Усадьбы Чжу управились быстро: приготовили яичный пудинг на пару, сварили лапшу в бульоне и сделали три-четыре легкие закуски. Все это принесли в комнату. Чжу Яньинь тоже взял палочки и пиалу, чтобы за компанию не спеша поесть с ним. Снаружи по-прежнему царил суматоха — люди из разных орденов то приходили, то уходили, но стоило

закрыть дверь, как весь этот шум переставал их касаться.

Чжу Яньинь съел немного лапши и поднял на него глаза.

Затем подцепил палочками холодную закуску и снова взглянул на него.

Ли Суй придвинулся ближе:

— Что такое?

На душе у Чжу Яньиня было беспокойно. Вернее, он был крайне недоволен.

Ли Суй протянул руку и аккуратно вытер каплю бульона с его губ:

— Кто тебя разозлил? Скажи, и я убью его.

Чжу Яньинь сердито фыркнул:

— Пань Шихоу!

Ли Суй невольно усмехнулся:

— Что это вы все вдруг невзлюбили его?

Чжу Яньинь отложил палочки и, отчасти капризно, отчасти с жалостью, произнес:

— Когда ты вернешься со мной в Цзяннань, у меня там будет полно старших родственников — и полных, и худых, и высоких, и низких. И они будут любить тебя точно так же, как любят меня.

И не нужен им никакой Пань Шихоу, пускай сидит со своим сыночком хоть до Нового года.

Чжу Яньинь ужасно злился, и чем больше думал об этом, тем сильнее распалялся.

На этот раз Ли Суй не улыбнулся. Его пальцы все еще покоились на губах юноши:

— Хорошо.

Чжу Яньинь немного успокоился и вернул ему палочки:

— Тогда ешь побольше, а я велю перестелить тебе постель.

Ли Суй удивился:

— Зачем перестилать?

— Ты ранен, тебе нужно спать на мягком, а не лежать на этих жестких досках, — Чжу Яньинь поднялся. — Ешь давай, а обо всем остальном не беспокойся.

Видимо, злость на Пань Шихоу еще не прошла, поэтому Второй молодой господин Чжу говорил резко и выглядел до того грозно, будто собирался с кем-то подраться.

Владыка дворца Ли ответил:

— ...Хорошо, меняй.

Слуги из Усадьбы Чжу, держа в руках парчовые одеяла и хлопковые матрасы, стройной вереницей входили в комнату и так же стройно выходили — все было организовано безупречно.

Суэта продолжалась почти целый час, и конца-краю ей не было видно.

Ли Суй был вынужден пойти искупаться и привести себя в порядок в комнату Цзян Шэнлиня. Некоторое время он стоял во дворе, одной рукой вытирая мокрые волосы, и только когда в его покоях наконец все утихло, толкнул дверь и вошел.

В нос ему ударил густой аромат.

Даже если бы в Весенний день цветочные поля побилو грозой, усыпав землю увядшими лепестками, на Реке Циньхуай одновременно затанцевали восемнадцать танцовщиц, а императорские наложницы во дворце воскурили благовония для молитвы — даже тогда аромат не получился бы столь насыщенным, как сейчас в спальне Владыки дворца Ли.

Постельное белье полностью сменили. Поскольку в дорогу не брали лишних постельных принадлежностей, постелили то, чем обычно пользовался сам Чжу Яньинь: шелковое одеяло и парчовые подушки, белые как снег, гладкие на ощупь и легкие, словно воздух. На полупрозрачном пологе были вышиты нежно-зеленые орхидеи, занавеси аккуратно развели в стороны и закрепили нефритовыми крючками. У изголовья висело несколько расшитых мешочков с успокаивающими травами. Подставку для ног укрыли белоснежным меховым ковриком и поставили пару мягких туфель, а вместо свечей комнату освещали жемчужины Южного моря, скрытые в резных шкатулках. В ногах кровати установили бронзовую курильницу, из которой струился тонкий, едва уловимый и приятный дымок благовоний.

Чжу Яньинь сидел на краю постели и с довольным видом похлопывал по подушке:

— Иди сюда.

Вид у него был точь-о-точь как у цзяннаньского разбойника, собравшегося устроить брачную ночь.

Опыта заботы о других у Чжу Яньиня не было, зато его самого нянчили всю жизнь. Подражая тому, как ухаживали за ним, он смог обустроить раненого наилучшим образом. Сначала он встряхнул одеяло и плотно укутал Ли Суя, затем с напускным усердием пару раз погладил его по лицу, поправляя волосы:

— Ну вот, спи.

Постель оказалась невероятно мягкой, словно согретое солнцем пушистое облако. Оно окутало тело, надежно защищая от холода дождливой ночи. Ли Суй послушно лег на подушку и сказал:

— Я в порядке.

— Кости повреждены, и это называется «в порядке»? — Чжу Яньинь сидел у постели. — Конечно, если ты о Пань Шихоу, то до него нам и впрямь нет дела.

А ведь он раньше думал, что этот старикашка не такой уж плохой, и даже советовал Ли Сую проявлять больше терпения и заботы к старшим. И надо же было случиться такому сегодня ночью! Ладно, лучше не думать об этом, а то злость снова берет.

Поэтому он велел:

— Спи давай!

Ли Суй спросил:

— Вы, книжники, всегда так свирепо укладываете людей спать?

Чжу Яньинь смягчил голос. Вовсе нет. Может, мне прочесть тебе стихи? Из тех, где поется: «Цветы увянут быстро, как любовь твоя, и бесконечны воды, как печаль моя»? Или ты хочешь услышать что-то более нежное? Сейчас подберу.

Ли Суй улыбнулся:

— Любые подойдут.

Второй молодой господин Чжу отличался словоохотливостью и умел говорить без умолку. Устроившись на подставке для ног и склонившись к постели, он болтал обо всем на свете — от февральских иволг Хуан Ли до весеннего императорского дворца в цветущей столице. Голос его звучал совсем тихо, а под конец и вовсе перешел в сонный шепот: он и сам не заметил, как его начало клонить в сон.

Ли Суй закрыл глаза. Накопившаяся за день усталость навалилась разом, веки налились свинцом. Знакомый приятный аромат, исходивший от подушки, баюкал, и вскоре он крепко уснул.

Чжу Яньинь зевнул, подумав, что укладывать спать великого злодея — занятие весьма утомительное.

Он вышел из спальни, тихо прикрыв за собой дверь, и велел ученикам Дворца Ваньжэнь бдительно охранять дворик. Будь то сосед Пань Шихоу, глава Альянса боевых искусств или посланники из других орденов — пока земля не загорится под ногами, никого не впускать и отправлять обратно.

Ученики Дворца Ваньжэнь хором отзывались:

— Слушаемся!

Им и в голову не пришло, что выполнять приказы Второго молодого господина Чжу как-то неправильно, все вышло само собой.

К этому времени небо уже начало светлеть.

Чжу Яньинь поспал совсем недолго и проснулся в полдень. Чжу Сяосуй, помогая ему одеться, рассказывал:

— Божественный целитель Цзян трудился всю ночь и до сих пор не выходил из комнаты Пань Цзиньхуа. Весь двор заполнен людьми из Альянса боевых искусств, но никто не шумит, все стоят и ждут. Молодой господин Чжао тоже там.

— А Владыка дворца Ли?

— Люди из Дворца Ваньжэнь не покидали дворик. Похоже, Владыка дворца Ли еще не вставал.

Чжу Яньинь оживился. В конце концов, грозные владыки встречаются сплошь и рядом, а вот те из них, кто любит поваляться в постели подольше, — редкость. Такое зрелище пропускать

нельзя.

— Пойду посмотрю.

Чжу Сяосуй снова недоумевал: если человек еще не встал, зачем на него смотреть?

Однако Второй молодой господин Чжу уже умчался подобно ветру, не оставив и следа.

Ли Суй полулежал в постели, восстанавливая внутреннее дыхание.

Чжу Яньинь приоткрыл дверь на ширину узкой щелки и осторожно заглянул внутрь.

Ли Суй все еще был в черных нижних одеждах. Завязки распустились, обнажая большую часть груди. Сонный и расслабленный вид придавал ему порочное очарование. Он походил не на безжалостного главу темного ордена, а скорее на прекрасного искуителя при нем.

Чжу Яньинь вежливо спросил:

— Могу я войти?

Ли Суй заметил:

— Ты уже вошел.

— ...Вовсе нет, я вошел только наполовину, — возразил Чжу Яньинь.

А ведь между благовоспитанным молодым господином из Цзяннани и нетерпеливым наглецом пролежала четкая граница, так что следовало соблюдать приличия.

Ли Суй с улыбкой спросил:

— Почему ты не поспал подольше?

Чжу Яньинь с чистой совестью переступил порог и закрыл за собой дверь:

— Беспокоился о твоей ране, вот и не спалось. Как ты себя чувствуешь?

— Пустяки, — Ли Суй снова откинулся на подушки, и его одежды скользнули еще ниже.

<http://bllate.org/book/18290/1754150>